

2026, № 09 (сентябрь)

Раздел 5.8. Педагогика

ART 261251

DOI 10.24412/2304-120X-2026-11251

УДК 37.015.3:378.1

Психолого-педагогические аспекты проектирования деятельности по профилактике радикализации молодежи в вузах (на основе сравнительного исследования российских и белорусских студентов)

Psychological and pedagogical aspects of designing activities to prevent the radicalization of young people in higher education institutions (based on a comparative study of Russian and Belarusian students)

Авторы статьи

Пазухина Светлана Вячеславовна,
 доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии и педагогики ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого», г. Тула, Российская Федерация
 pazuhina@mail.ru
 ORCID: 0000-0003-3190-3520

Филиппова Светлана Анатольевна,
 кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого», г. Тула, Российская Федерация
 filippovasa@tolstovsky.ru
 ORCID: 0000-0003-2245-3599

Authors of the article

Svetlana V. Pazukhina,
 Doctor of Psychological Sciences, Head of the Department of Psychology and Pedagogy, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russian Federation
 pazuhina@mail.ru
 ORCID: 0000-0003-3190-3520

Svetlana A. Filippova,
 Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russian Federation
 filippovasa@tolstovsky.ru
 ORCID: 0000-0003-2245-3599

Конфликт интересов

С. В. Пазухина является членом редакционного совета журнала «Концепт».

Conflict of interest statement

S. V. Pazukhina is a member of the editorial board of the journal "Koncept".

Для цитирования

Пазухина С. В., Филиппова С. А. Психолого-педагогические аспекты проектирования деятельности по профилактике радикализации молодежи в вузах (на основе сравнительного исследования российских и белорусских студентов) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2026. – № 09. – С. 352–371. – URL: <https://e-koncept.ru/2026/261251.htm> – DOI: 10.24412/2304-120X-2026-11251

For citation

S. V. Pazukhina, S. A. Filippova, Psychological and pedagogical aspects of designing activities to prevent the radicalization of young people in higher education institutions (based on a comparative study of Russian and Belarusian students) // Scientific-methodological electronic journal "Koncept". – 2026. – No. 09. – P. 352–371. – URL: <https://e-koncept.ru/2026/261251.htm> – DOI: 10.24412/2304-120X-2026-11251

Поступила в редакцию <i>Received</i>	02.07.26	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	29.08.26
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	29.08.26	Опубликована <i>Published</i>	30.09.26

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена повышением риска высокой радикализации студенческой молодежи в условиях агрессивных деструктивных влияний. Цель – определение психолого-педагогических аспектов проектирования деятельности по профилактике радикализации молодежи в вузах на основе выявления групп риска среди российских и белорусских студентов. Методологическую основу составил ресурсный подход. В исследовании использовался комплекс теоретических, эмпирических методов, методов обработки данных. Для оценки достоверности различий использовался t-критерий Стьюдента для независимых выборок. Эмпирическая база – студенты российских и белорусских вузов (N = 64). Разработана и апробирована дополнительная профессиональная программа повышения квалификации преподавателей, кураторов студенческих групп, построенная на принципах ресурсного подхода. Результаты эмпирической части исследования не выявили наличия групп риска ни в одной из изучаемых выборок, так как средние значения по всем шкалам – диспозициям насильственного экстремизма – находились в пределах нормы. Однако было выявлено, что средние значения по ряду шкал и общий показатель склонности к экстремизму были значительно выше у российских студентов. Наиболее высокие средние значения в российской выборке были зафиксированы по шкалам «антиинтрацепция» и «конвенциональное принуждение», в белорусской – по шкалам «антиинтрацепция» и «протестная активность». Сильные положительные связи в белорусской выборке были выявлены между рядом переменных («культ силы» и «деструктивность и цинизм», «культ силы» и «протестная активность», «деструктивность и цинизм» и «протестная активность»). Сильные положительные связи в российской выборке были выявлены только между переменными «протестная активность» и «нормативный нигилизм». Значимые различия в изучаемых несвязанных выборках были зафиксированы по шкалам «культ силы»; «допустимость агрессии»; «инtolерантность»; «социальный пессимизм». Значимость различий также была обнаружена по общему показателю склонности к насильственному экстремизму. Новизна состоит в выявлении специфических особенностей проявлений шкал насильственного экстремизма в сравнении между российской и белорусской выборками студентов. Теоретическая значимость заключается в обосновании ресурсного подхода в профилактике радикализации студенческой молодежи за счет развития личностных ресурсов. Практическая значимость определяется действенностью апробированной программы «Риски и ресурсы обеспечения безопасности личности обучающегося в образовательной среде вуза» и готовностью материалов к внедрению в образовательный процесс.

Ключевые слова

студенческая молодежь, радикализация, шкалы насильственного экстремизма, психолого-педагогическая профилактика, ресурсный подход, развитие личностных ресурсов, сравнительное исследование

Благодарности

Авторы благодарят российских и белорусских участников исследования за помощь в сборе эмпирических материалов.

Статья выполнена в рамках реализации государственного задания Минпросвещения России на оказание государственных услуг (выполнение работ) № 073-00098-26-02 от 17.02.2026 года.

Abstract

The relevance of the study is due to the increased risk of high radicalization among students in the context of aggressive and destructive influences. The goal is to identify the psychological and pedagogical aspects of designing activities to prevent the radicalization of young people in universities, based on identifying risk groups among Russian and Belarusian students. The study was based on a resource approach. A combination of theoretical, empirical, and data processing methods was used in the study. The Student's t-test for independent samples was used to assess the significance of the differences. The empirical base included students from Russian and Belarusian universities (N = 64). An additional professional advanced training program for teachers and curators of student groups has been developed and tested, based on the principles of a resource-based approach. The results of the empirical part of the study did not reveal any risk groups in any of the studied samples, as the average numbers for all the scales of violent extremism were within the normal range. However, it was found that the average numbers for several scales and the overall tendency towards extremism were significantly higher among Russian students. The highest average values in the Russian sample were observed for the scales of «anti-intracception» and «conventional coercion», while in the Belarusian sample, the highest average values were observed for the scales of «anti-intracception» and «protest activity». Strong positive correlations were found in the Belarusian sample between a number of variables («cult of power» and «destructiveness and cynicism», «cult of power» and «protest activity», «destructiveness and cynicism» and «protest activity»). Strong positive correlations were found in the Russian sample only between the variables «protest activity» and «normative nihilism». Significant differences in the studied unrelated samples were found on the scales «cult of power»; «acceptability of aggression»; «intolerance»; «social pessimism». The significance of the differences was also found on the general indicator of the propensity to violent extremism. The novelty consists in identifying the specific features of the manifestations of the scales of violent extremism in comparison between the Russian and Belarusian samples of students. The theoretical significance lies in substantiating the resource approach as methodologically justified in the prevention of radicalization of student youth through the development of personal resources. The practical significance is determined by the effectiveness of the tested program «Risks and Resources for Ensuring the Safety of the Student's Personality in the University Educational Environment» and the readiness of the materials for implementation in the educational process.

Key words

student youth, radicalization, scales of violent extremism, psychological and pedagogical prevention, resource-based approach, development of personal resources, comparative study

Acknowledgements

The authors thank the Russian and Belarusian participants in the study for their assistance in collecting empirical materials.

The article was prepared as part of the implementation of the state assignment of the Russian Ministry of Education for the provision of public services No. 073-00098-26-02 dated 17.02.2026.

Введение / Introduction

Мы живем в эпоху агрессивного воздействия негативных информационных потоков, онлайн-мошенников, экстремистских организаций и пр. В совокупности они представляют собой мощные и опасные факторы, которые могут способствовать распространению радикальных идей, что представляет собой серьезный вызов для общества. Наиболее часто таким воздействиям подвергается молодежь. Два союзных государства – Россия и Беларусь, объединенные общей историей, ценностными установками, перспективами развития будущего, принимают на себя сегодня основной удар. В связи с вышеперечисленным в современных реалиях своевременное выявление признаков радикализации жизненно насущная проблема, вопрос обеспечения безопасности личности, семьи, социальных институтов, государств.

Радикализация – сложно обусловленный процесс, при котором молодой человек постепенно отходит от умеренных взглядов и начинает придерживаться крайних убеждений, бескомпромиссных идеологий, ориентирующих его впоследствии на использование насильственных методов и участие в экстремистской, протестной деятельности, отмечают Б. Г. Бовин с соавторами [1].

Радикальные взгляды нередко обращают молодого человека к идеологии насилия, которая представляет собой совокупность соответствующих идей, умозаключений, оправдывающих применение насилия для достижения любых целей – политических, религиозных и пр. Подробные разъяснения, касающиеся феномена радикализации в контексте экстремистской деятельности, даются в Указе Президента Российской Федерации № 1124 от 28.12.2024 года [2].

Процесс радикализации молодого человека зачастую осуществляется постепенно, скрытно, незаметно со стороны. Современные вербовщики – это тщательно подготовленные люди, вооруженные различными средствами манипулирования эмоциями, владеющие психологическими приемами убеждения, позволяющими создать иллюзию общности и «избранности», указывает С. Макколи [3].

Большинство случаев влияния на радикализацию сознания в настоящее время фиксируется в интернет-сетях. Данный аспект деструктивного воздействия на молодежь в условиях цифровизации достаточно подробно рассматривается в монографии Б. Г. Койбаева и З. Т. Золоевой [4].

Р. О. Бештоев, А. Х. Кодзоков, Т. И. Доттуев отмечают, что сегодня молодежный радикализм идеологически и материально поддерживается недружественными России западными странами и нашел самое широкое распространение и поддержку своих идей в глобальном информационном пространстве, где ему придали положительное реноме [5].

Актуальным становится рассмотрение радикализации молодежи в контексте ментальных войн и ментальной агрессии. Под ментальной агрессией В. А. Ксенофонов понимает «высокоинтеллектуальный философско-мировоззренческий конфликт, в котором сознание индивида... является предметом замены» [6]. Ментальная агрессия, как правило, реализуется через систему манипуляций и чаще всего оказывает латентное воздействие на когнитивную и эмоционально-чувственную сферы личности, за чем следует новое, не характерное для нее поведение, изменение взаимоотношений с окружающими.

Молодой человек сам может долго не осознавать, что уже попал под влияние деструктивной идеологии. О. Ю. Шипитько с соавторами, изучая личностные характеристики и восприимчивость подрастающего поколения к радикальной идеологии,

выявили, что этому способствуют индивидуальная психологическая уязвимость, постепенность вовлечения, применение манипулятивных техник, зашумленный информационный фон и др. [7]

В связи с вышеизложенным любому педагогу, куратору важно научиться вовремя распознавать эти личностные характеристики, выявлять ранние признаки радикализации среди студентов, чтобы принять необходимые психолого-педагогические меры и пресечь наступление негативных последствий.

Цель – определение психолого-педагогических аспектов проектирования деятельности по профилактике радикализации молодежи в вузах на основе выявления групп риска среди российских и белорусских студентов.

Задачи исследования:

1. Провести анализ научной литературы по проблеме радикализации в среде студенческой молодежи.
2. Рассмотреть сущностные характеристики, факторы, механизмы радикализации.
3. Подобрать диагностический инструментарий для выявления признаков радикализации студентов.
4. Обработать полученные результаты с использованием методов математической статистики, сделать выводы.
5. Проанализировать и сопоставить эмпирические результаты, полученные в группах российских и белорусских студентов.
6. Раскрыть направления и сущностные аспекты профилактики распространения радикальных идей среди студентов.
7. Разработать учебно-тематический план дополнительной профессиональной программы повышения квалификации преподавателей вуза, кураторов студенческих групп.

Обзор литературы / Literature review

Радикализм в студенческой среде часто получает распространение в кризисные, переходные, нестабильные времена. Как отмечает в своей диссертации М. Ю. Биктуганова, проблема деструктивного влияния радикальных идеологий, в т. ч. экстремизма и терроризма, обостряется в условиях трансформации миропорядка, эскалации международной напряженности, повышения конфликтности процессов, происходящих в обществе [8]. Сегодня отмечается рост социальной, национальной, расовой нетерпимости, активизация деятельности экстремистских организаций, запреценных во многих странах, совершен ряд бесчеловечных и масштабных террористических актов. Все это указывает на нарастание процессов радикализации.

В научной литературе отмечается, что обычно процесс радикализации сознания не является мгновенным скачком, а представляет собой постепенную трансформацию установок молодого человека, на которые влияет целый комплекс факторов. Среди них на основе анализа публикации С. А. Ворожейкина можно выделить возраст-психологические (юношеский максимализм, поиск идентичности, эмоциональная уязвимость), состояние стресса, обостренное переживание чувства обделенности, социальной несправедливости, одиночество, потребность в принадлежности к группе и др.), социальные (социальная изоляция, отсутствие поддержки в семье, несформированность устойчивых социальных связей, попадание в неблагополучные сообщества и др.), идеологические (активная пропаганда, в том числе через интернет-публикации, социальные сети), социокультурные, о которых говорилось выше (кри-

зисные явления в обществе – экономические трудности, безработица, маргинализация, обострение конфликтов на этнической/религиозной почве, недостаток возможностей для самореализации и пр.) [9].

В любом случае радикализация обусловлена прямым, косвенным, непосредственным или опосредованным взаимодействием с другими людьми. Она осуществляется чаще всего под влиянием лидеров мнений, референтных сообществ, идеологических наставников – об этом размышляют С. Р. Новосельская и В. А. Куксов [10].

М. Кинг и Д. М. Тейлор, изучая модели радикализации в своей статье, разделили их на две условные группы: континуумные (описывающие факторы, влияющие на радикализацию) и поэтапные (рассматривающие содержание процесса радикализации, разворачивающегося во времени) [11].

В работах российских ученых звучит мысль о том, что в противодействии такому негативному явлению, как радикализация, необходимо использовать комплексные модели профилактики. Так, А. В. Ларионова, Э. И. Мещерякова, О. Ю. Горчакова в разработанной ими комплексной модели отразили шесть блоков, где основным является психологический, нацеленный на развитии Я-концепции личности как ядерного звена всех последующих интеракций психопрофилактики радикалистских настроений студенческой молодежи [12].

Специфической особенностью настоящего времени является то, что радикальная идеология проникает в сознание молодых людей, определяет их установки не обязательно под целенаправленным длительным влиянием какой-либо экстремистской организации. Речь может идти о так называемой саморадикализации, когда молодой человек, насмотревшись и начитавшись негативной информации в СМИ, соцсетях, или под влиянием мошеннических действий, совершенных с ним, начинает думать определенным образом, строить планы насильственного переустройства мира или участия в протестных акциях, что показано в нашей статье [13].

Усиление протестной активности – одно из последствий, связанных с радикализацией. Изучая особенности протестной активности молодежи в современной России, А. А. Керимов и А. А. Эбзеев приходят к выводу о том, что протестный потенциал выше у той части подрастающего поколения, кому присуще обостренное чувство справедливости, романтизм и нигилизм по отношению к старшим. Такие молодые люди более активно проявляют себя в политической жизни, формируют соответствующую социально-политическую повестку, связанную как с недовольством ценностными ориентирами общества, так и с претензиями в адрес власти. Радикализация при этом рассматривается как процесс, в рамках которого крайние установки и готовность к насильственным действиям становятся доминирующими, а нарастающее социальное напряжение выступает своеобразным катализатором [14].

Американский ученый С. Тэрроу рассматривает протест (применительно к политической сфере) как «использование разрушительных коллективных действий, нацеленных на институты, элиты, властвующие и другие группы и совершаемых для достижения некоторых коллективных целей, и требований протестующих». В протестном действии он вычленил пять особенностей: 1) прямые бескомпромиссные заявления в ультимативной форме, отвергающие институциональное посредничество; 2) высокую вероятность перехода к насилию; беспорядкам; 3) экспрессивность протестных заявлений, переход к аллегорическим обвинениям и неадекватной лексике при отсутствии четких инструментальных требований; 4) обращенность требований протестующих на

другие группы или элитные группировки; 5) наличие определенной стратегии при выборе форм поведения, объекта критики и собственных целей [15].

До настоящего времени остаются открытыми вопросы, касающиеся психологических механизмов радикализации, что было бы целесообразно учитывать при обосновании программ профилактики в работе с молодежью. Е. В. Столяренко отмечает, что радикальные идеи зачастую становятся формой замещающей интеграции в условиях, когда слабо развиты механизмы социально-профессиональной интеграции, социального включения студентов в общественную жизнь [16]. Это касается любых социально значимых видов деятельности в сфере образования, профессионального становления, территориальной мобильности и пр.

Исследователи указывают на то, что причины вовлечения в радикальные сообщества зависят от зон напряженности в стране. В конфликтных регионах это чаще всего травмы и месть, в неконфликтных – дискриминация, маргинализация, разочарование, стремление к приключениям, романтика, личная значимость или желание быть героем. В. А. Авксентьев, Г. Д. Гриценко, А. В. Дмитриев показали, что при изучении данного явления важно учитывать зависимые переменные (поведенческая и когнитивная радикализация) и независимые – те, которые толкают, тянут, обусловлены личными факторами, а также проводить детальный анализ проблемы риска уязвимости [17].

Среди мер профилактики радикализации студенческой молодежи М. В. Григорьева, А. А. Шаров, А. И. Заграничный называют следующие: необходимость выстраивания диалога с молодежью, учета ее интересов, решение имеющихся проблем, создание площадок для самореализации и участия студентов в общественной жизни, чтобы снизить чувство отчужденности; проведение позитивной профилактики, направленной на успешную социальную идентификацию и снижение уровня нигилизма [18].

О. А. Артюхин и Л. Л. Иванова, обобщая опыт изучения практической педагогической деятельности вузов по противодействию радикальной идеологии в молодежной среде, указывают, что наиболее часто в вузах сегодня для этой цели используются различные мероприятия: ознакомление с нормативными документами, беседы – групповые и индивидуальные, создание и распространение памяток, конкурсы плакатов, просмотр и обсуждение фильмов, анализ событий, происходящих в стране и мире, тематические игры, квизы, викторины, командные соревнования, проектная работа, дебаты, дискуссии Джеффа, Science Slam, конференции, медиаторы, конкурсы видеороликов социальной рекламы, реализация культурно-образовательных проектов – фестивалей культур, которые способствуют взаимообогащению культур, воспитанию интереса и уважения к людям других национальностей посредством знакомства с их традициями и обычаями и др. Особое внимание авторы уделяют вовлечению обучающихся в деятельность студенческого совета и студенческие кружки. Мы разделяем их точку зрения в том, что в качестве важного направления превентивной работы необходимо рассматривать повышение квалификации педагогического состава для компетентной подготовки и проведения мероприятий по противодействию экстремизму и терроризму [19].

Анализируя отечественный и зарубежный опыт таких стран, как Великобритания, Нидерланды, Франция, США, по проблеме педагогической профилактики молодежного экстремизма, Г. М. Гогиберидзе, Р. Г. Кузьмин, А. А. Реан пришли к выводу о значимости участия в этом процессе авторитетных среди молодежи лиц, необходимости развития коммуникационных каналов, важности компетентного педагогического сопровождения процесса самоидентификации и самореализации молодежи,

повышения правовой грамотности и др. Должны применяться различные комбинации профилактических методов: методов «мягкого» воздействия и жестких мер. К «мягким» методам отнесены диалог с лидерами, публичные дебаты, адресная поддержка, педагогическое сопровождение, юридическое просвещение, сотрудничество в общностях, совместная деятельность, позитивная профилактика за счет вовлечения в разные социально значимые виды активности. Жесткие меры варьируют от административных до уголовных наказаний [20].

Интересным представляется психолого-педагогический подход, предложенный Н. В. Ходяковой, Н. В. Сердюк, Н. Ф. Виноградовой, которые рассматривают профилактику радикализации в аспекте противодействия ментальной агрессии через развитие личности в образовании. В системе отечественного образования они видят неисчерпаемый ресурс человекообразования и гуманизма [21]. Решение изучаемой проблемы они видят в разработке особой педагогической стратегии, состоящей в создании таких условий образовательной среды, взаимодействуя с которыми личность «тренирует» и наращивает свои субъектные качества. За этими высказываниями четко прослеживается ресурсный подход, который сегодня начинает занимать лидирующие позиции в отечественной образовательной практике.

В своей статье И. О. Котлярова и Г. Н. Сериков указывают на то, что междисциплинарный характер ресурсного подхода, а также его предметное соответствие концепции устойчивого развития определяет его актуальность как методологической основы исследований в образовании в рамках концепции устойчивого развития [22].

Какие ресурсы сегодня необходимо развивать у обучающихся в процессе педагогической превенции процессов радикализации студенческой молодежи? Е. В. Осипова считает, что речь должна идти о комплексной диагностике и развитии таких качеств и навыков, которые создают внутренний «щит», обеспечивают психологическую устойчивость и защищенность личности от деструктивных влияний. Среди наиболее значимых качеств (личностных ресурсов) называются следующие: эмоциональная стабильность, критическое мышление, самостоятельность, сформированность внутренней мотивации, рефлексия, волевая регуляция, четкая система духовно-нравственных ценностей, гражданская идентичность, навыки асертивного поведения, способы социальной адаптации, умения коммуницировать в разных ситуациях и с различными людьми [23].

Мы разделяем позицию авторов, которые придерживаются ресурсного подхода. Необходимо отметить, что он только набирает обороты в нашей стране, оставаясь недостаточно развитым в плане практического применения.

Методологическая база исследования / Methodological base of the research

В качестве основного методологического подхода в нашем исследовании выступил ресурсный подход. Развитие личностных ресурсов – это не дополнительная задача воспитания в современных условиях, а тот самый ключевой механизм защиты подростка от влияния радикальных идей. Его суть заключается в том, чтобы помочь обучающемуся не просто «не попасться», а научиться самому противостоять манипуляциям, сохранять устойчивость в сложной информационной среде. Согласно данному подходу, недостаточно просто выделять группу риска и говорить о рисках – нужно создавать в образовательном учреждении среду, где обучающиеся будут «тренировать» эти ресурсы. Для этого предлагается использовать различные форматы работы: дискуссии на сложные темы, где нужно аргументировать свою позицию; кейс-

технологии и квесты на правовую и этическую тематику; психологические тренинги (на развитие критического мышления, выработку умения отстаивать свои личные границы, противостоять манипуляциям посредством выработки ассертивного поведения, управлять собственной агрессией и др.); различные направления проектной деятельности, благодаря которым молодежь вовлекается в социально значимые мероприятия и обеспечивается ее конструктивное общение с разными людьми [24].

В своей работе мы использовали теоретические методы (анализ, синтез, абстрагирование, проектирование, классификацию, дедукцию, аналогию), эмпирические (эксперимент, тестирование), а также методы обработки данных (количественный и качественный анализ).

Для оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде в настоящее время используются разные методики, систематизированные в отдельных пособиях [25].

В нашем исследовании для выявления признаков радикализации мы использовали рекомендованную Министерством просвещения для этих целей стандартизированную методику Д. Г. Давыдова и К. Д. Хломова, направленную на изучение диспозиций насильственного экстремизма по таким шкалам, как допустимость агрессии, ориентация на культ силы, интолерантность, склонность к конвенциональному принуждению, социальный пессимизм, мистичность, деструктивность, цинизм, протестная активность, нигилизм по отношению к существующим нормам и законам, антиинтрацепция, конформизм [26].

Выборку составили естественные учебные группы студентов. В исследовании приняли участие четыре естественные группы студентов (по 32 человека в каждой из выборок).

Результаты исследования / Research results

Проектирование программ профилактики радикализма и экстремистского поведения в молодежной среде должно опираться на изучение выраженности соответствующих установок. Методика Д. Г. Давыдова и К. Д. Хломова позволяла это сделать по 11 взаимосвязанным шкалам. Диагностика, проведенная с помощью этой методики, помогла изучить особенности поведенческой регуляции студентов, выявить то, как конкретный обучающийся удовлетворяет имеющиеся у него базовые потребности в контексте сложившейся социальной ситуации.

Респонденты проходили тестирование в удобном для них режиме через онлайн-платформу «Психологические тесты онлайн» (<https://psytests.org/>). Исследователю они высылали скриншот или ссылку на результат пройденного теста. Пример индивидуального профиля конкретного испытуемого представлен на рис. 1.

Полученные результаты обрабатывались с помощью количественного и качественного анализа.

Результаты по каждой шкале оценивались следующим образом: до 23 баллов – норма, от 24 до 20 баллов – повышенные значения. В группу риска по данной методике можно отнести тех респондентов, которые набрали более 23 баллов по трем и более шкалам. Таких испытуемых в выборках будущих педагогов и психологов в российской и белорусской выборках не оказалось. Однако встречались респонденты, у которых фиксировались повышенные значения по одной или двум шкалам. Таких студентов в белорусской выборке было 12,5%, а в российской – 18,8%.

В табл. 1 и на рис. 2 представлены средние значения по изучаемым шкалам в каждой из выборок.

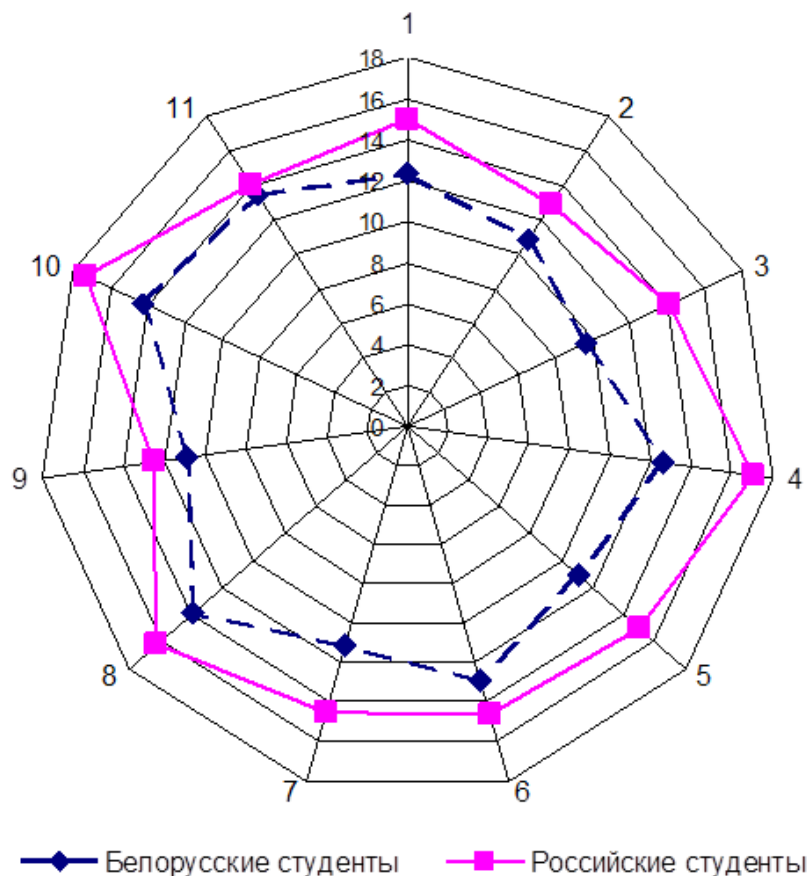
Рис. 1. Пример индивидуального профиля конкретного испытуемого по методике Д. Г. Давыдова и К. Д. Хломова

Таблица 1

Средние значения по шкалам методики Д. Г. Давыдова и К. Д. Хломова в российской (Р) и белорусской (Б) выборках студентов

Шкалы		Культ силы	Допустимость агрессии	Интолерантность	Конвенциональное принуждение	Социальный пессимизм	Мистичность	Деструктивность и цинизм	Протестная активность	Нормативный нигилизм	Антиинтрацепция	Конформизм	Склонность к насильственному экстремизму
№ шкал		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Общий показатель
Средние значения	Б	12,3	10,8	9,6	12,6	11,1	12,9	11,1	13,9	10,9	14,2	13,5	145,7
	Р	15	12,9	14	17	15	14,6	14,5	16,2	12,5	17,3	14	163,1

Как видно из табл. 1 и рис. 2, средние значения по всем шкалам – диспозициям насильственного экстремизма – в обеих выборках находятся в пределах нормы, но чуть выше в российской выборке. Общий показатель склонности к экстремизму также средний, но на 17,4 балла выше у российских обучающихся.

Условные обозначения шкал методики:

1. Культ силы	7. Деструктивность и цинизм
2. Допустимость агрессии	8. Протестная активность
3. Интолерантность	9. Нормативный нигилизм
4. Конвенциональное принуждение	10. Антиинтрацепция
5. Социальный пессимизм	11. Конформизм
6. Мистичность	

Рис. 2. Средние значения по шкалам методики Д. Г. Давыдова – К. Д. Хломова у российских и белорусских студентов

Примерно одинаковые средние значения в российской и белорусской выборках были выявлены только по 11-му признаку – шкале «конформизм». Данная шкала-диспозиция в методике Д. Г. Давыдова – К. Д. Хломова интерпретируется как «подверженность давлению группы сверстников, слабость внутренних регуляторов поведения, готовность совершить правонарушение “за компанию”» [27]. В основе диспозиции лежит ориентация на группу в формировании мировоззренческих позиций, норм, самооценочной деятельности. При этом ощущение единения и сопричастности групповым нормам и ценностям формирует основу позитивной самооценки и самопринятия. Риски в данном случае возникают вследствие уязвимости давлению референтной группы, особенно в тех случаях, когда групповые ценности противоречат социальным нормам.

Наиболее высокие средние значения в российской выборке зафиксированы по таким шкалам, как «антиинтрацепция» (17,3) и «конвенциональное принуждение» (17).

Характерной особенностью этой диспозиции является склонность к игнорированию самодетерминации, субъективных оснований собственных переживаний и совершаемых действий, установка на поиск внешних детерминант (меня вынудили,

меня разозлили). Соответственно, возникает сложность осуществления саморегуляции, переработки сложного опыта, избегание сложных переживаний, страх самопроявления, самопредъявления, избегание личной свободы.

Диспозиция по шкале «конвенциональное принуждение» основана на идее Т. Адорно [28], который отмечал тенденцию выискивать людей, не уважающих общие (конвенциональные) ценности, чтобы осудить, отвергнуть и наказать их. Возникает эффект «цель оправдывает средства», т. е. для восстановления порядка и справедливости можно применять жестокость. Достижение поставленной цели реализуется через легализацию репрессивных практик в отношении групп, обладающих теми или иными стигматизирующими характеристиками. Ключевым триггером выступает императив тотальной идентификации оппонента. Психодинамический конструкт описывается в рамках теории смещенной агрессии как следствие фрустрации: подавленная враждебность по отношению к эго-идеалам или иерархическим фигурам проецируется на аутгруппу.

Наиболее низкие средние значения в российской выборке зафиксированы по шкалам «нормативный нигилизм» (12,5) и «допустимость агрессии» (12,9).

Ключевая идея нормативного нигилизма сходна с идеей конвенционального принуждения с различием в цели и мотивах – преступить закон ради торжества закона (конвенциональное принуждение), преступить закон ради собственной выгоды (нормативный нигилизм). Речь также идет о ингрупповых и аутгрупповых характеристиках и ценностях, дистанцировании «мы – чужие», сопровождающееся дегуманизацией аутгрупп, обесцениванием их норм. Вероятно, базой для такой диспозиции служит нерешенная потребность в персонализации, ведущая к «застреванию» индивида на второй, конфликтной, фазе индивидуализации в модели личностного развития А. В. Петровского [29]. Нейрофизиологический механизм формирования данной установки в подростковом возрасте обуславливается темпами созревания коры больших полушарий, отвечающих за регуляцию произвольной деятельности, контроль, усвоение норм, прогнозирование рисков.

Диспозиция «допустимость агрессии» предполагает не только осуществление насилия, но и личную готовность совершить его. Экономические факторы, социальные и воспитательные дефициты, воздействие информационной среды, создающей когнитивный диссонанс между желаемым и действительным, усиливают фрустрацию. Естественным следствием фрустрации как угрозы безопасности индивида является самозащитное поведение – агрессия. Зачастую агрессия направлена непосредственно на источники фрустрации: семью, социальные институты, сходные по признакам объекты. В некоторых случаях, во избежание рисков, смещается на более доступные объекты: например, мигрантов, бездомных и т. д. При этом осознания этической стороны своего поведения у индивида может не возникать в случае, если среда (семья, школа, СМИ) демонстрирует или тем или иным образом, подкрепляет агрессию как средство достижения цели.

Наиболее высокие средние значения в белорусской выборке были зафиксированы по шкалам «антиинтрацепция» (14,2) и «протестная активность» (13,9)

В ряду других диспозиций протестная активность предполагает не только наличие «убеждений», но и готовность реализовывать их в активной деятельности. Риски возникают в случае дисфункциональности целей (противоправные действия) и выбранных средствах (агрессия). Как указывает В. А. Петровский [30], неадаптивная активность хотя и служит источником развития личности, но всегда предполагает определенную вероятность девиаций поведения. Согласно В. С. Ротенбергу [31], если со-

циальная среда не дает возможности реализовать потребность в поисковой активности, то следствием может стать немотивированная жестокость. Идея игнорирования идентификации – «мы особенные, не такие как все, нестандартные».

Наиболее низкие средние значения в белорусской выборке были выявлены по шкалам «интолерантность» (9,6), «допустимость агрессии» (10,8) и «нормативный нигилизм» (10,9).

В условиях нелинейности, сложности, тревожности, неоднозначности окружающей современного человека реальности (VUCA, SHIVA) возникает естественная потребность к упрощению, упорядочиванию, линейному прогнозированию. Такие механизмы снижают критичность, ведут к стереотипизации, росту неприятия отличного, непривычного, что в совокупности отражает тенденции, свойственные интолерантности. Противоположной тенденцией является поведенческая и когнитивная гибкость.

Корреляции между шкалами в выборках определялись по г-коэффициенту Пирсона. Вычисление его значений позволило выявить силу и направление линейных связей между парами изучаемых переменных.

Таблица 2

Корреляционная матрица в белорусской выборке

№ шкал	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	X	0,4520	0,6893	0,5180	0,5934	-0,1408	0,7688	0,8925	0,0404	0,4587	-0,2263
2	0,4520	X	0,2942	0,5429	0,4691	0,2717	0,5898	0,6207	0,5760	0,3363	0,0837
3	0,6893	0,2942	X	0,6701	0,3302	-0,5629	0,4134	0,5774	0,0614	0,2246	-0,3122
4	0,5180	0,5429	0,6701	X	0,1489	-0,3335	0,5913	0,4915	0,0082	0,2547	-0,2907
5	0,5934	0,4691	0,3302	0,1489	X	-0,0521	0,6706	0,6190	0,5255	0,5968	0,2838
6	-0,1408	0,2717	-0,5629	-0,3335	-0,0521	X	-0,0154	0,1695	-0,0618	0,2467	0,2596
7	0,7688	0,5898	0,4134	0,5913	0,6706	-0,0154	X	0,7648	0,4766	0,6221	-0,0076
8	0,8925	0,6207	0,5774	0,4915	0,6190	0,1695	0,7648	X	0,2379	0,6826	-0,0492
9	0,0404	0,5760	0,0614	0,0082	0,5255	-0,0618	0,4766	0,2379	X	0,4582	0,5694
10	0,4587	0,3363	0,2246	0,2547	0,5968	0,2467	0,6221	0,6826	0,4582	X	0,1742
11	-0,2263	0,0837	-0,3122	-0,2907	0,2838	0,2596	-0,0076	-0,0492	0,5694	0,1742	X

Условные обозначения шкал методики:

1. Культ силы	7. Деструктивность и цинизм
2. Допустимость агрессии	8. Протестная активность
3. Интолерантность	9. Нормативный нигилизм
4. Конвенциональное принуждение	10. Антиинтрацепция
5. Социальный пессимизм	11. Конформизм
6. Мистичность	

Сильные положительные связи были выявлены между такими переменными, как «культ силы» и «деструктивность и цинизм» ($r = 0,7688$), «культ силы» и «протестная активность» ($r = 0,8925$), «деструктивность и цинизм» и «протестная активность» ($r = 0,7648$). Именно эти три шкалы составили ядро склонности к насильственному экстремизму.

Диспозиция по шкале «культ силы» связана с восприятием насилия как предпочитаемого способа достижения своих целей и разрешения противоречий. В традиционных культурах, вынужденных выживать в сложных условиях, установка является адаптивным ответом на агрессивную среду. В цивилизованных обществах, располагающих широким спектром сценариев адаптации, случаи адекватности данной установки редки. При этом

инкультурированные в сознании архаичные нормы могут транслироваться в современных условиях, осложняя адаптацию индивида. Противоположностью такой диспозиции выступает признание необходимости договариваться, учитывать мнение других.

Диспозиция по шкале «деструктивность и цинизм» проявляется в циничном отношении к людям вообще и в очернении различных человеческих проявлений (дружба, брак, секс и т. п.). Характерный признак – подозрительность при интерпретации поведения других, преимущественное объяснение поведения окружающих прагматическими мотивами. Приоритеты выстраиваются в пользу достижения собственных целей за счет игнорирования потребностей других с проекцией «все так делают». Отношения, моральные нормы, чувства приносятся в жертву «идее» как менее значимые, может обесцениваться не только чужая, но и своя жизнь. Идеологических противников экстремисты воспринимают в ракурсе дегуманизации.

Полученные значения коэффициента корреляции Пирсона для российской выборки представлены в табл. 3.

Таблица 3

Корреляционная матрица в российской выборке

№ шкал	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	X	0,3796	0,4302	0,2652	0,4683	0,1581	0,5389	0,1027	0,1740	0,3319	-0,0568
2	0,3796	X	0,5002	0,3888	0,6120	0,0590	0,6352	-0,0566	0,1088	0,1779	0,0024
3	0,4302	0,5002	X	0,1972	0,3916	0,1462	0,6627	-0,1986	0,0151	0,1810	-0,047
4	0,2652	0,3888	0,1972	X	0,5544	-0,1689	0,5422	0,0859	-0,1304	0,3314	-0,4293
5	0,4683	0,6120	0,3916	0,5544	X	0,0062	0,5987	0,1613	0,1979	0,5611	-0,2606
6	0,1581	0,0590	0,1462	-0,1689	0,0062	X	-0,0901	0,1154	0,3214	-0,0634	0,4575
7	0,5389	0,6352	0,6627	0,5422	0,5987	-0,0901	X	0,0392	-0,0452	0,2770	-0,2982
8	0,1027	-0,0566	-0,1986	0,0859	0,1613	0,1154	0,0392	X	<u>0,7879</u>	0,1297	0,1197
9	0,1740	0,1088	0,0151	-0,1304	0,1979	0,3214	-0,0452	<u>0,7879</u>	X	0,1242	0,2417
10	0,3319	0,1779	0,1810	0,3314	0,5611	-0,0634	0,2770	0,1297	0,1242	X	-0,1067
11	-0,0568	0,0024	-0,047	-0,4293	-0,2606	0,4575	-0,2982	0,1197	0,2417	-0,1067	X

Условные обозначения шкал методики:

1. Культ силы	7. Деструктивность и цинизм
2. Допустимость агрессии	8. Протестная активность
3. Интолерантность	9. Нормативный нигилизм
4. Конвенциональное принуждение	10. Антиинтрацепция
5. Социальный пессимизм	11. Конформизм
6. Мистичность	

Сильные положительные связи были выявлены между переменными «протестная активность» и «нормативный нигилизм» ($r = 0,7879$).

Наличие/отсутствие значимых различий в изучаемых несвязанных выборках определялось с помощью вычисления t-критерия Стьюдента. Критические значения ($t_{кр}$) для данного объема выборок составили 1,99 ($p \leq 0,05$) и 2,65 ($p \leq 0,01$). Значимые различия были зафиксированы по следующим шкалам: «культ силы» ($t_{эмп} = 3,4$); «допустимость агрессии» ($t_{эмп} = 2,8$); «интолерантность» ($t_{эмп} = 3$); «социальный пессимизм» ($t_{эмп} = 3$). По всем шкалам средние значения в российской выборке были значительно выше, чем в белорусской, хотя и находились в пределах нормы.

Значимость различий также была обнаружена по общему показателю склонности к насильственному экстремизму ($t_{эмп} = 3$) (рис. 3).

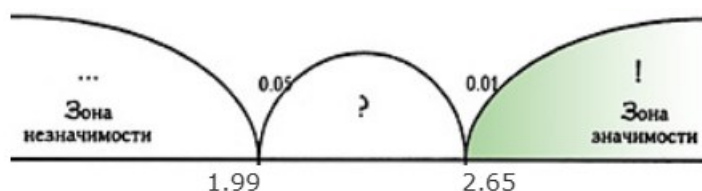

Рис. 3. Полученное значение $t_{эм}$ (3) по общему показателю склонности к насильственному экстремизму на оси значимости

Среди значимых психолого-педагогических аспектов проектирования деятельности по профилактике радикализации молодежи в вузах на основе полученных результатов сравнительного исследования мы выделили следующие:

- 1) учет особенностей проявления признаков радикализации (в соответствии с изучаемыми диспозициями);
- 2) выбор в качестве основного методологического подхода – ресурсного, позволяющего прорабатывать выявленные личностные диспозиции студентов;
- 3) определение основополагающих принципов профилактической работы, вытекающих из выбранного методологического подхода;
- 4) целенаправленная практико-ориентированная психолого-педагогическая подготовка преподавателей, кураторов студенческих групп к профилактической деятельности со студентами.

Таким образом, мы считаем, что программы профилактики признаков радикализации среди студенческой молодежи будут более эффективными, если осуществлять их проектирование с опорой на ресурсный подход и ряд вытекающих из него принципов, которые нацелены на то, чтобы сделать работу системной, эффективной и учитывающей реальные возможности вузов.

Первый из них – принцип системности (программа создавалась как целостная система, а не набор разрозненных мероприятий; развивались и поддерживались как индивидуальные ресурсы личности – навыки саморегуляции, ценностные ориентации и пр., так и групповые – сплоченность, традиции совместной конструктивной деятельности и т. д., а также организационные – эффективные форматы взаимодействия – тренинги, дискуссионные клубы, волонтерские проекты и др.).

Второй – принцип адресности (при создании программы учитывались возрастно-психологические и социокультурные особенности студенческой молодежи: деятельность была нацелена на работу не со всей массой студентов сразу, а с целевыми группами – с первокурсниками, студентами из социально незащищенных семей, представителями этнических или религиозных меньшинств, для которых риск вовлечения в радикальные группы выше).

Третий – принцип превентивности (акцент делался на устранение причин и условий, способствующих радикализации, а не только на работе с уже проявившимися признаками; программа была направлена на формирование устойчивости к деструктивным влияниям, развитие критического мышления, навыков сопротивления групповому давлению и конструктивного разрешения конфликтов).

Четвертый принцип – принцип межведомственного взаимодействия (мы считаем важным объединение усилий разных структур из сферы образования, культуры, молодежной политики, здравоохранения, правоохранительных органов, религиозных организаций, что позволит использовать комплексный подход и обмениваться информацией).

Пятый – принцип учета внутренних и внешних ресурсов: при планировании программы проводился анализ, какими ресурсами располагает вуз (кадры, материально-техническая база, информационные каналы, волонтерское движение) и какие факторы

риска или ресурсы есть в самой студенческой среде (например, интерес к дискуссионным площадкам, потребность в профессиональной и личностной самореализации).

Шестой – принцип мониторинга и оценки динамики развития (в программу закладывалась система отслеживания ее эффективности посредством проведения регулярных диагностических срезов, получения обратной связи, анализа индикаторов (изменение уровня тревожности, рост числа обращений за психологической помощью к психологу вуза, динамика в дискуссиях), что позволяло корректировать содержание и формы работы).

Противодействие радикальным влияниям экстремистских и террористических идеологий сопряжено с практико-ориентированной психолого-педагогической подготовкой окружающих молодого человека социальных взрослых. Для кураторов студенческих групп и преподавателей университета была разработана дополнительная образовательная программа «Риски и ресурсы обеспечения безопасности личности обучающегося в образовательной среде вуза» (см. табл. 4).

Таблица 4

Учебный план дополнительной профессиональной программы повышения квалификации «Риски и ресурсы обеспечения безопасности личности обучающегося в образовательной среде вуза»

№ п/п	Перечень модулей и тем	Трудоемкость, академ. ч, в том числе:		
		Лекции	Практические занятия	Самостоятельная работа
Модуль 1. Выявление признаков радикализации в молодежной среде				
1.1	Маркеры радикализации в молодежной среде	2	2	1
1.2	Инструменты оценки риска радикализации студентов. Мониторинг радикализации молодежи в учебных заведениях	2	2	1
1.3	Раннее выявление деструктивного поведения обучающихся, подверженных воздействию экстремистской и иной радикальной идеологии	2	2	1
Модуль 2. Развитие личностных ресурсов обучающихся как ключевой механизм защиты молодых людей от влияния радикальных идей				
2.1	Развитие у студентов критического мышления	2	2	1
2.2	Развитие у студентов рефлексии	2	2	1
2.3	Развитие у студентов стрессоустойчивости и эмоционально-волевой саморегуляции	2	2	1
2.4	Развитие у студентов навыков коммуникации и асертивного поведения	2	2	1
Модуль 3. Сопровождение и оказание помощи обучающимся группы риска				
3.1	Социально-психологическое сопровождение студентов группы риска, подверженных радикализации	2	2	1
3.2	Психологическая помощь обучающимся группы риска	2	2	1
3.3	Индивидуальная работа с обучающимися группы риска: психологический и воспитательный аспекты	2	2	1
Модуль 4. Профилактика экстремизма и создание безопасной образовательной среды в вузе				
4.1	Противодействие террористической и иной радикальной идеологии	2	2	1
4.2	Проблемы проектирования безопасной образовательной среды в вузе	2	2	1
4.3	Технологии позитивной профилактики экстремизма в молодежной среде	2	2	1
4.4	Обеспечение личной безопасности обучающегося в студенческой группе	2	2	1
	Итого: 72	28	28	14
Итоговая аттестация – 2				

Полученные нами результаты согласуются с данными, представленными в статье авторов Г. В. Ярошенко и О. В. Белуженко, которые провели сравнительный анализ склонности к экстремизму студентов-первокурсников гуманитарного вуза с инвалидностью и без ограничений по здоровью [32].

Заключение / Conclusion

Таким образом, радикализация современной студенческой молодежи обусловлена рядом факторов и причин, на которые преподаватели и кураторы студенческих группы не всегда могут целенаправленно воздействовать.

Необходимо грамотно проводить оценку текущей ситуации и мониторинговые исследования. Наблюдение за изменениями внешнего вида, поведением, высказываниями, символикой и постами в социальных сетях, а также индивидуальные беседы помогают вовремя заметить проблемные зоны и адресно выстроить профилактическую работу с обучающимся в вузе.

Полученные нами эмпирические результаты исследования не выявили наличия групп риска ни в одной из изучаемых выборок, так как средние значения по всем шкалам – диспозициям насильственного экстремизма – находились в пределах нормы. Однако удалось установить, что показатели по ряду шкал и общий показатель склонности к экстремизму были значительно выше у российских студентов.

Примерно одинаковые средние значения в российской и белорусской выборках были выявлены только по шкале «конформизм». Наиболее высокие средние значения в российской выборке были зафиксированы по шкалам «антиинтрацепция» и «конвенциональное принуждение»; наиболее низкие – по шкалам «нормативный нигилизм» и «допустимость агрессии».

Наиболее высокие средние значения в белорусской выборке были зафиксированы по шкалам «антиинтрацепция» и «протестная активность»; наиболее низкие – по шкалам «интолерантность», «допустимость агрессии» и «нормативный нигилизм».

Сильные положительные связи в белорусской выборке были выявлены между такими переменными, как «культ силы» и «деструктивность и цинизм», «культ силы» и «протестная активность», «деструктивность и цинизм» и «протестная активность». Именно эти три шкалы составили ядро склонности к насильственному экстремизму.

Сильные положительные связи в российской выборке были выявлены между переменными «протестная активность» и «нормативный нигилизм».

Значимые различия в изучаемых несвязанных выборках были зафиксированы по шкалам «культ силы»; «допустимость агрессии»; «интолерантность»; «социальный пессимизм». Значимость различий также была обнаружена по общему показателю склонности к насильственному экстремизму.

Проектирование программ профилактики радикализации среди студенческой молодежи должно опираться на ресурсный подход. Развитие личностных ресурсов мы рассматриваем как проактивный подход. Вместо того чтобы бороться с последствиями, цели должны быть направлены на формирование у обучающихся внутренних личностных ресурсов так, чтобы они могли мыслить критически, контролировать свои эмоции, противостоять манипуляциям, принимать взвешенные решения, нести за них ответственность.

При подготовке преподавателей и кураторов студенческих групп мы считаем важным подчеркивать необходимость выстраивания системной работы в процессе противодействия радикализации студенчества, т. е. рассматриваемые в статье виды социально значимой активности необходимо сделать наряду с развитием перечисленных выше личностных ресурсов обязательной частью ежедневного образовательного процесса в вузе, а не проводить как разовые мероприятия.

Ссылки на источники / References

1. Бовин Б. Г., Бовина И. Б., Тихонова А. Д. Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть III) // Психология и право. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 181–194. – DOI: 10.17759/psylaw.2021110114
2. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580>
3. McCauley C. The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization // Terrorism and Political Violence. – 2020. – DOI: 10.1080/09546553.2020.1763964.
4. Койбаев Б. Г., Золоева З. Т. Актуальные проблемы противодействия экстремистским проявлениям в условиях развития цифровизации: монография. – Владикавказ: ИПЦ ИП Цопанова А. Ю., 2021. – 192 с.
5. Бештоев Р. О., Кодзоков А. Х., Доттуев Т. И. Радикализация молодежи. Причины и тенденции // Образование и право. – 2021. – № 6. – С. 299–303. – DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-299-303.
6. Ксенофонтов В. А. Ментальная война: методологические аспекты // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник: XXII Национальная научная конференция с международным участием (г. Москва, 14–16 февраля 2023 г.). – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. – Вып. 18, ч. 1. – С. 524.
7. Насильственный экстремизм: личностные характеристики и восприимчивость к радикальной идеологии молодежи / О. Ю. Шипитько, А. А. Жердева, Е. А. Краснова и др. // Российский психологический журнал. – 2025. – № 22(4). – С. 185–203. – URL: <https://doi.org/10.21702/rpj.2025.4.9>
8. Биктуганова М. Ю. Педагогическая профилактика молодежного экстремизма в организациях среднего профессионального образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 5.8.1 / [Место защиты: ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»; Диссовет 33.2.019.01 (Д 212.284.02)]. – Екатеринбург, 2022. – 27 с.
9. Ворожейкин С. А. Социально-психологические факторы радикализации сознания российской молодежи // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2026. – Т. 31, № 1(104). – С. 28–34. – DOI: 10.24412/1999-6241-2026-1104-28-34.
10. Новосельская С. Р., Куксов В. А. Психология радикализации: факторы и механизмы // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 80–84. – URL: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2025-4-80-84>
11. King M., Taylor D. M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // Terrorism and Political Violence. – 2011. – September. № 23(4). – P. 602–622. – DOI: 10.1080/09546553.2011.587064.
12. Ларионова А. В., Мещерякова Э. И., Горчакова О. Ю. Комплексная модель психопрофилактики радикалистских настроений студенческой молодежи // Научный аспект. – 2018. – № 4. – С. 103–104.
13. Пазухина С. В. Психологические основы психолого-педагогической профилактики экстремизма и протестного поведения в молодежной среде // Психология и право. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 206–223. – DOI: 10.17759/psylaw.2023130215.
14. Керимов А. А., Эбзеев А. А. Факторы и тенденции протестной активности молодежи в современной России // Дискурс-Пи. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 104–123. – URL: https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_104
15. Tarrow S. Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. – 3-rd ed. – N. Y., 2011. – 328 p.
16. Столяренко Е. В. Внесистемная молодежная оппозиция: тенденции радикализма // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 73–76.
17. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В. Уровень конфликтности в российских регионах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2008. – № 3(87). – С. 117–126.
18. Григорьева М. В., Шаров А. А., Заграничный А. И. Радикализация социальной активности молодежи и поиск групп поддержки с использованием цифровых и традиционных средств // Перспективы науки и образования. – 2022. – № 5(59). – С. 446–461. – DOI: 10.32744/pse.2022.5.26.
19. Артюхин О. А., Иванова Л. Л. Практическая деятельность вузов по организации системы противодействия радикальной и иной деструктивной идеологии в молодежной среде // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 3. – С. 172–177. – DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-172-177.
20. Гогиберидзе Г. М., Реан А. А., Кузьмин Р. Г. Педагогическая профилактика проявлений молодежного экстремизма: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Московского университета. – Серия 20. – Педагогическое образование. – 2025. – № 3. – С. 42–67. – URL: <https://doi.org/10.55959/LPEJ-25-14>
21. Ходякова Н. В., Сердюк Н. В., Виноградова Н. Ф. Развитие личности в образовании как педагогическая стратегия противодействия ментальной агрессии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 1(105). – С. 213–222. – DOI: 10.35750/2071-8284-2025-1-213-222.
22. Котлярова И. О., Сериков Г. Н. Ресурсный подход к образованию для устойчивого развития // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия: Образование. Педагогические науки. – 2022. – Т. 14, № 2. – С. 6–20. – DOI: 10.14529/ped220201.

23. Осипова Е. В. Педагогическая превенция экстремистских проявлений в вузе: диагностика показателей склонности студентов к экстремизму // Педагогический журнал. – 2025. – Т. 15, № 9А. – С. 219–225. – DOI: 10.34670/AR.2025.96.42.021.
 24. Сборник успешных психолого-педагогических практик профилактики девиантного поведения обучающихся / Министерство образования и молодежной политики Свердловской области ГАОУ ДПО Свердловской области «Институт развития образования»; под ред. О. В. Кузьминой, Н. В. Аптекарь. – Екатеринбург: ГАОУ ДПО СО «Институт развития образования», 2024. – 106 с.
 25. Информационно-методические материалы для специалистов психологической службы по применению диагностического инструментария для изучения склонности личности к экстремизму и терроризму / авт.-сост.: Е. Н. Скулкина. – Донецк: ДРУМЦ ПС СО, 2021. – 102 с.
 26. Письмо Минпросвещения России от 10.12.2025 № 07-6953 «О направлении материалов» (вместе с «Методическими рекомендациями по комплексному сопровождению обучающихся, переживших психотравмирующие события в условиях боевых действий», «Программой психолого-педагогического сопровождения детей, проживающих в Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областях и иных субъектах Российской Федерации, прилегающих к районам проведения специальной военной операции, в рамках оздоровительной кампании в организациях отдыха детей и их оздоровления») // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522009/1c3bea24b92b01e0353b81381ebf09c5266996b7/
 27. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма // Психологическая диагностика. – 2017. – № 1. – С. 102–106.
 28. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / под общ. ред. В. П. Култыгина. – М.: Академия исследований культуры, 2001. – 412 с.
 29. Петровский А. В. Проблема развития личности с позиций социальной психологии // Вопросы психологии. – 1984. – № 4. – С. 15–29.
 30. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. – М.: Российский открытый университет; ТОО «Горбунок», 1992. – 224 с.
 31. Ротенберг В. С., Бондаренко С. М. Мозг. Обучение. Здоровье. – М.: Просвещение, 1989. – 240 с.
 32. Ярошенко Г. В., Белуженко О. В. Сравнительный анализ склонности к экстремизму студентов-первокурсников гуманитарного вуза с инвалидностью и без ограничений по здоровью // Социально-педагогическая поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика: сб. ст. по материалам V Междунар. науч.-практ. конф. – Симферополь, 2021. – С. 233–237.
-
1. Bovin, B. G., Bovina, I. B., & Tihonova, A. D. (2021). "Radikalizaciya: social'no-psihologicheskij vzglyad (Chast' III)" [Radicalization: A Socio-Psychological Perspective (Part III)], *Psihologiya i pravo*, t. 11, № 1, pp. 181–194. DOI: 10.17759/psylaw.2021110114 (in Russian).
 2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 28.12.2024 g. № 1124 "Ob utverzhdenii Strategii protivodejstviya ekstremizmu v Rossijskoj Federacii" [Decree of the President of the Russian Federation No. 1124 dated December 28, 2024, "On Approving the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation"]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (in Russian).
 3. McCauley, C. (2020). "The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization", *Terrorism and Political Violence*. DOI: 10.1080/09546553.2020.1763964 (in English).
 4. Kojbaev, B. G., & Zoloeva, Z. T. (2021). *Aktual'nye problemy protivodejstviya ekstremistskim proyavleniyam v usloviyah razvitiya cifrovizacii* [Current Issues in Countering Extremist Manifestations in the Context of Digitalization]: monografiya, IPC IP Copanova A. Yu., Vladikavkaz, 192 p. (in Russian).
 5. Beshtoev, R. O., Kodzokov, A. H., & Dottuev, T. I. (2021). "Radikalizaciya molodezhi. Prichiny i tendencii" [Radicalization of Youth: Causes and Trends], *Obrazovanie i pravo*, № 6, pp. 299–303. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-299-303 (in Russian).
 6. Ksenofontov, V. A. (2023). "Mental'naya vojna: metodologicheskie aspekty" [Mental Warfare: Methodological Aspects], *Rossiia: tendencii i perspektivy razvitiya: ezhegodnik: XXII Nacional'naya nauchnaya konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem (g. Moskva, 14–16 fevralya 2023 g.)*, Moscow Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam RAN, vyp. 18, ch. 1, p. 524 (in Russian).
 7. Shipit'ko, O. Yu. et al. (2025). "Nasil'stvennyj ekstremizm: lichnostnye harakteristiki i vospriimchivost' k radikal'noj ideologii molodezhi" [Violent Extremism: Personality Characteristics and Susceptibility to Radical Ideology Among Youth], *Rossijskij psihologicheskij zhurnal*, № 22(4), pp. 185–203. Available at: <https://doi.org/10.21702/rpj.2025.4.9> (in Russian).
 8. Biktuganova, M. Yu. (2022). *Pedagogicheskaya profilaktika molodezhnogo ekstremizma v organizatsiyah srednego professional'nogo obrazovaniya* [Pedagogical Prevention of Youth Extremism in Secondary Vocational Education Institutions]: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 5.8.1, [Mesto zashchity: FGAOU VO "Rossijskij gosudarstvennyj professional'no-pedagogicheskij universitet", Dissovet 33.2.019.01 (D 212.284.02)], Ekaterinburg, 27 p. (in Russian).

9. Vorozhejkin, S. A. (2026). "Social'no-psihologicheskie faktory radikalizatsii soznaniya rossijskoj molodezhi" [Socio-psychological factors of the radicalization of consciousness among Russian youth], *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, t. 31, № 1(104), pp. 28–34. DOI: 10.24412/1999-6241-2026-1104-28-34 (in Russian).
10. Novosel'skaya, S. R., & Kuksov, V. A. (2025). "Psihologiya radikalizatsii: faktory i mekhanizmy" [The Psychology of Radicalization: Factors and Mechanisms], *Psihologiya i pedagogika sluzhebnnoj deyatel'nosti*, № 4, pp. 80–84. Available at: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2025-4-80-84> (in Russian).
11. King, M., & Taylor, D. M. (2011). "The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence", *Terrorism and Political Violence*, September. № 23(4), pp. 602–622. DOI: 10.1080/09546553.2011.587064 (in English).
12. Larionova, A. V., Meshcheryakova, E. I., & Gorchakova, O. Yu. (2018). "Kompleksnaya model' psihoprofilaktiki radikalistskih nastroyenij studencheskoj molodezhi" [A Comprehensive Model for the Psychological Prevention of Radicalist Sentiments Among University Students], *Nauchnyy aspekt*, № 4, pp. 103–104 (in Russian).
13. Pazuhina, S. V. (2023). "Psihologicheskie osnovy psihologo-pedagogicheskoy profilaktiki ekstremizma i protestnogo povedeniya v molodezhnoj srede" [Psychological Foundations of Psycho-Pedagogical Prevention of Extremism and Protest Behavior Among Youth], *Psihologiya i pravo*, t. 13, № 2, pp. 206–223. DOI: 10.17759/psylaw.2023130215 (in Russian).
14. Kerimov, A. A., & Ebzeev, A. A. (2022). "Faktory i tendentsii protestnoj aktivnosti molodezhi v sovremennoj Rossii" [Factors and Trends in Youth Protest Activity in Present-Day Russia], *Diskurs-Pi*, t. 19, № 1, pp. 104–123. Available at: https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_104 (in Russian).
15. Tarrow, S. (2011). *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*, 3-rd ed, N. Y., 328 p. (in English).
16. Stolyarenko, E. V. (2012). "Vnesistemnaya molodezhnaya oppozitsiya: tendentsii radikalizma" [Extra-systemic youth opposition: trends of radicalism], *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, № 2, pp. 73–76 (in Russian).
17. Avksent'ev, V. A., Gricenko, G. D., & Dmitriev, A. V. (2008). "Uroven' konfliktnosti v rossijskih regionah" [Level of conflict in Russian regions], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, № 3(87), pp. 117–126 (in Russian).
18. Grigor'eva, M. V., Sharov, A. A., & Zagranichnyj, A. I. (2022). "Radikalizatsiya social'noj aktivnosti molodezhi i poisk grupp podderzhki s ispol'zovaniem cifrovyyh i tradicionnyh sredstv" [Radicalization of youth social activism and the search for support groups using digital and traditional means], *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, № 5(59), pp. 446–461. DOI: 10.32744/pse.2022.5.26 (in Russian).
19. Artyuhin, O. A., & Ivanova, L. L. (2022). "Prakticheskaya deyatel'nost' vuzov po organizatsii sistemy protivodejstviya radikal'noj i inoj destruktivnoj ideologii v molodezhnoj srede" [Practical activities of higher education institutions in organizing a system to counter radical and other destructive ideologies among youth], *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, № 3, pp. 172–177. DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-172-177 (in Russian).
20. Gogiberidze, G. M., Rean, A. A., & Kuz'min, R. G. (2025). "Pedagogicheskaya profilaktika proyavlenij molodezhnogo ekstremizma: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt" [Pedagogical Prevention of Youth Extremism: Domestic and International Experience], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 20, Pedagogicheskoe obrazovanie*, № 3, pp. 42–67. Available at: <https://doi.org/10.55959/LPEJ-25-14> (in Russian).
21. Hodyakova, N. V., Serdyuk, N. V., & Vinogradova, N. F. (2025). "Razvitie lichnosti v obrazovanii kak pedagogicheskaya strategiya protivodejstviya mental'noj agressii" [Personal Development in Education as a Pedagogical Strategy to Counteract Mental Aggression], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, № 1(105), pp. 213–222. DOI: 10.35750/2071-8284-2025-1-213-222 (in Russian).
22. Kotlyarova, I. O., & Serikov, G. N. (2022). "Resursnyj podhod k obrazovaniyu dlya ustojchivogo razvitiya" [A resource-based approach to education for sustainable development], *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki*, t. 14, № 2, pp. 6–20. DOI: 10.14529/ped220201 (in Russian).
23. Osipova, E. V. (2025). "Pedagogicheskaya prevenciya ekstremistskih proyavlenij v vuze: diagnostika pokazatelej sklonnosti studentov k ekstremizmu" [Pedagogical Prevention of Extremist Manifestations in Higher Education Institutions: Diagnosing Indicators of Students' Propensity for Extremism], *Pedagogicheskij zhurnal*, t. 15, № 9A, pp. 219–225. DOI: 10.34670/AR.2025.96.42.021 (in Russian).
24. (2024). *Sbornik uspeshnyh psihologo-pedagogicheskikh praktik profilaktiki deviantnogo povedeniya obuchayushchihsya* [A Collection of Successful Psychological and Pedagogical Practices for Preventing Deviant Behavior Among Students], GAOU DPO SO "Institut razvitiya obrazovaniya", Ekaterinburg, 106 p. (in Russian).
25. Skulkina, E. N. (2021). *Informacionno-metodicheskie materialy dlya specialistov psihologicheskoy sluzhby po primeneniyu diagnosticheskogo instrumentariya dlya izucheniya sklonnosti lichnosti k ekstremizmu i terrorizmu* [Informational and methodological materials for psychological service specialists on the use of diagnostic tools to assess an individual's propensity for extremism and terrorism], DRUMC PS SO, Doneck, 102 p. (in Russian).
26. "Pis'mo Minprosveshcheniya Rossii ot 10.12.2025 № 07-6953 "O napravlenii materialov" (vmeste s "Metodicheskimi rekomendatsiyami po kompleksnomu soprovozhdeniyu obuchayushchihsya, perezhivshih psihotravmiruyushchie sobytiya v usloviyah boevykh deystvij", "Programmy psihologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya detej, prozhivayushchih v

Doneckoj Narodnoj Respublike, Luganskoj Narodnoj Respublike, Zaporozhskoj i Hersonskoj oblastyah i inyh sub"ektah Rossijskoj Federacii, prilegayushchih k rajonom provedeniya special'noj voennoj operacii, v ramkah ozdorovitel'noj kampanii v organizacijah ottyha detej i ih ozdorovleniya") [Letter from the Ministry of Education of Russia dated December 10, 2025, No. 07-6953 "On the Forwarding of Materials" (including "Methodological Recommendations on Comprehensive Support for Students Who Have Experienced Psychotraumatic Events Amidst Combat Operations" and the "Program for Psychological and Pedagogical Support for Children Residing in the Donetsk People's Republic, the Lugansk People's Republic, the Zaporozhye and Kherson Regions, and Other Constituent Entities of the Russian Federation Adjacent to Areas Where the Special Military Operation Is Conducted, within the Framework of Health-Improvement Campaigns in Child Recreation and Health-Improvement Facilities")], *Konsul'tantPlyus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522009/1c3bea24b92b01e0353b81381ebf09c5266996b7/ (in Russian).

27. Davydov, D. G., & Hlomov, K. D. (2017). "Metodika diagnostiki dispozicij nasil'stvennogo ekstremizma" [Methodology for Diagnosing Predispositions to Violent Extremism], *Psihologicheskaya diagnostika*, № 1, pp. 102–106 (in Russian).
28. Adorno, T. (2001). *Issledovanie avtoritarnoj lichnosti* [The study of the authoritarian personality], Akademiya issledovaniy kul'tury, Moscow, 412 p. (in Russian).
29. Petrovskij, A. V. (1984). "Problema razvitiya lichnosti s pozicii social'noj psihologii" [The problem of personality development from the perspective of social psychology], *Voprosy psihologii*, № 4, pp. 15–29 (in Russian).
30. Petrovskij, V. A. (1992). *Psihologiya neadaptivnoj aktivnosti* [The Psychology of Maladaptive Activity], Rossijskij otkrytyj universitet, Moscow; TOO "Gorbunok", 224 p. (in Russian).
31. Rotenberg, V. S., & Bondarenko, S. M. (1989). *Mozg. Obuchenie. Zdorov'e* [Brain. Learning. Health], Prosveshchenie, Moscow, 240 p. (in Russian).
32. Yaroshenko, G. V., & Beluzhenko, O. V. (2021). "Sravnitel'nyj analiz sklonnosti k ekstremizmu studentov-pervokursnikov gumanitarnogo vuza s invalidnost'yu i bez ogranichenij po zdorov'yu" [A Comparative Analysis of the Propensity for Extremism Among First-Year Humanities Students With and Without Disabilities], *Social'no-pedagogicheskaya podderzhka lic s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya: teoriya i praktika: sb. st. po materialam V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf, Simferopol'*, pp. 233–237 (in Russian).

Вклад авторов

С. В. Пазухина – обоснование актуальности, теоретико-методологических основ работы, работа с источниками, теоретический обзор литературы, анализ эмпирических данных.

С. А. Филиппова – обоснование актуальности, работа с источниками, теоретический обзор литературы; сбор данных.

Contribution of the authors

S. V. Pazukhina — justification of the study's relevance and its theoretical and methodological foundations, work with sources, theoretical literature review, analysis of empirical data.

S. A. Filippova — justification of the study's relevance, work with sources, theoretical literature review, data collection.